

«ДНЕВНИК ВОСПОМИНАНИЙ ПЕРЕЖИТЫХ ДНЕЙ ОСАДЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1942 ГОДУ»

Тетрадь №1

(Публикация Л. П. Громовой)

Этот блокадный дневник оказался у меня случайно. Его передала мне старая ленинградка Стелла Васильевна Кузнецова, сохранившая после смерти своего мужа Александра Иосифовича Кузнецова четыре пожелтевшие от времени тетради, которые он получил в послевоенные годы от своего школьного учителя Ивана Ивановича Мальяревского. Боясь, что эти важные свидетельства о жизни обычного человека в блокадном Ленинграде могут затеряться, Стелла Васильевна попросила меня предать их гласности.

На научной конференции «Бытописатели блокады», которая проходила в ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме) 10 апр. 2014 г. и была посвящена 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, я рассказала об истории этого дневника и передала все четыре тетради на хранение в Пушкинский Дом. Они зарегистрированы в «Книге поступлений» № 48 за 2014 г. и присоединены к Разряду I, оп. 17 на имя И. И. Мальяревского.

Автор дневника – учитель географии Иван Иванович Мальяревский (1887–1951), живший в блокадном Ленинграде до эвакуации на Алтай 4 авг. 1942 г. Он назвал свою летопись «Дневник воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941–1942 году». В одной из тетрадей была сделана приписка: «Собственно, вернее назвать не дневник, а ночник, т<ак> к<ак> все записи сделаны не днем, а ночью».

Почему он стал писать дневник, урывая время от сна, когда после рабочего дня нужно было беречь слабеющие силы? Этот вопрос автор задает себе и сам. Ответ на него мы находим в двух записях. «Отчего я записываю различные разговоры, которые ходят по городу? С целью их дальнейшей проверки, т<ак> к<ак> сведения исходят, быть может, и из верного источника, а затем искажаются после <нрзб.>

передачами, как это всегда бывает» (1 марта 1942 г.). Спустя два месяца вновь возвращается к этому вопросу: «Катя бранит меня, что я веду дневник, и иногда поздно вернувшись. Вместо того чтобы лечь спать, сижу над записями. А мне все-таки хочется подробней записывать это историческое время. Жалею, что не начал раньше. Много упустил» (2 мая 1942 г.).

О самом авторе известно немного – скудные сведения, записанные на папке, в которой хранились дневники: Мальяревский Иван Иванович, учитель географии школы № 1, инспектор горно г. Чистополь. Жена Шустова Екатерина Евграфовна умерла в 1959 г., на восемь лет пережив мужа.

Эти скупые биографические данные, оставленные о своем учителе хранителем дневника А. И. Кузнецовым, дополняются воспоминаниями самого автора о довоенной жизни, которые рассеяны по дневнику. Становится известно, что до войны он жил в Пушкине, любил охоту (этому посвящены многие записи и рисунки автора, встречающиеся на страницах дневника). В блокадном Ленинграде они с женой оказались после того, как немцы заняли Пушкин, и прожили в городе на Неве до 4 авг. 1942 г., откуда были эвакуированы на Алтай.

Записи алтайского периода жизни в значительной части посвящены событиям вокруг Ленинграда. О них Мальяревский узнает по радио и из «Алтайской правды». Он пишет о боях за Ленинград, освобождении городов Ленинградской области, приводит рассказы эвакуированных, сведения о знакомых. Последняя запись алтайского периода, сделанная 12 февр. 1944 г., наполнена ожиданием скорого окончания войны и возвращения домой.

«Заканчиваю эту тетрадь дневника. Перед моими глазами встает новое будущее нашей страны и всего человечества, которое его ждет после этой кровопролитной и изнурительной войны. Хотелось бы верить, что война закончится осенью этого года <...>. Надо уехать при первой возможности. Это главная цель. Трудности в пути будут большие, но надо их преодолеть. Привет Ленинграду!». Но в Ленинград, судя по всему, Иван Иванович не вернулся. Послевоенные годы они с женой прожили в г. Чистополь.

Дневник состоит из четырех тетрадей.

Тетрадь № 1 хронологически обозначена с сентября 1941 по 16 марта 1942 г. Однако регулярные записи, день за днем, ведутся начиная с 20 янв. 1942 г.

Тетрадь № 2 отражает блокадный период с 18 марта по 31 марта 1942 г. и продолжает хронику жизни блокадного города.

Тетрадь № 3 – жизнь в блокадном городе с 1 июня по 4 авг. 1942 г. и эвакуация на Алтай (последняя запись сделана 12 февр. 1944 г.).

В тетради № 4 автор вновь обращается к дневниковым записям уже в 1950 г. – в конце своей жизни, когда он жил в г. Чистополь после возвращения из эвакуации с Алтая.

В один из дневников вложены два письма И. И. Мальяревского и рукопись рассказа под названием «Верность», написанного в алтайский период, судя по всему, для местного издания. Письма относятся к блокадному времени. Одно из них датировано 20 апр. 1942 г. и адресовано Валентине Петровне, имя которой часто встречается в дневнике. Другое – представляет собой фрагмент письма некоему Володе, о котором автор также не раз упоминает в дневнике.

К публикации представляется лишь первая тетрадь дневника, в которой повествование о начальном периоде блокады заканчивается записью 16 марта 1942 г. Дневник подготовлен к публикации при участии Н. А. Пироговской, с помощью которой был напечатан текст и расшифрованы некоторые неясные места.

События первых месяцев блокады представлены в дневнике лишь на первых пяти страницах в кратком описании произошедшего. Автор сообщает: «Случилось так, что фронт подошел к Ленинграду на пушечный выстрел, и неприятель занял все дороги, ведущие в глубину Союза, продлив фронт до самого Ладожского озера. Ленинград оказался в блокаде. Это была середина сентября, а теперь уже январь, и на дворе стоят жуткие морозы 35–40 градусов». И далее идут почти ежедневные записи. Главная тема дневника – ХЛЕБ.

«20/1 42 г. Усиленно говорят, что с 22/1 прибавят хлеба. Мороз –30°.

21/1. Хлеба еще не прибавили. Мороз такой же.

22/1. Прибавки еще не выдали. Ждем завтра.

24/1. Наконец прибавили хлеба. Иждивенцы – 250, служащие – 350, рабские – 400.

27/1. Очереди за хлебом. Хлеба не получили.

28/1. Хлеба не получили. Огромные очереди».

На протяжении всех дневниковых записей блокадного времени ХЛЕБ остается центральной темой. Постоянна также мысль автора о работе радио и телефона. Связь с миром, сообщения с фронта, городская информация для него жизненно необходимы, их отсутствие вызывает отчаяние.

«26/1. Телефоны еще не работают.

30/1. Телефоны опять не работают.

3/II. Телефоны не работают. Радио говорит очень тихо».

С хроникальной точностью И. И. Мальяревский записывает все события городской жизни (эвакуацию университета, открытие городских бань, пуск трамвая, уборку города). Слог повествования, как правило, лаконичный – автор словно экономит силы и время: «Объявлена норма за январь. Хуже декабря. Масла нет. Январь прожили. Что-то будет дальше. Пухнут ноги» (31 янв. 1942 г.).

Но часто повествования развернуты, особенно, когда автор размышляет о событиях в мире или возвращается к воспоминаниям о довоенной жизни. Он словно укрывается в прошлом, вспоминая о довоенной охоте, о прочитанных книгах, размышляет о записках Седова, о подвиге папанинцев. И кажется, что эти отступления позволяют ему на некоторое время забыть о тяготах настоящего.

Дневник Мальяревского представляет собой будничное повседневное бытописание осажденного города, в котором с фактографической точностью фиксируются все детали жизни и смерти блокадников, их заботы, трагедии, маленькие радости, надежды, высокие и низкие проявления человеческого характера. Это повествование зрелого человека, повидавшего жизнь, которому в начале войны было уже 54 года. У него наблюдательный аналитический ум, удивительная способность абстрагироваться от тягот и ужасов войны, неиссякаемая вера в завтрашний день.

Война по-разному и разными гранями запечатлена в публицистике и мемуарах людей, прошедших через ее горнило как участники и живые свидетели. Обращение к блокадным дневникам показывает, насколько ценны для нас эти летописи войны, донесшие правду об одной из самых драматичных страниц нашей истории. У каждого из переживших эти трагические дни – своя блокада, свой угол зрения на нее и переживание происходившего. Их жизнь, их самоотверженный труд в блокадном Ленинграде, их стремление сохранить человеческое достоинство в этих нечеловеческих испытаниях, их желание хоронить близких по человеческим обычаям, которые так трудно было блюсти в то страшное время, – это тот урок, который нам предстоит еще осмысливать.

В письме, адресованном Володе, Мальяревский пишет: «Война принесла новые, тяжелые испытания <...>. Зато мы сделали свидетелями и пережили интереснейшие исторические периоды, о которых в будущем будет написано очень много томов».

Дневник Ивана Ивановича Мальяревского является еще одним ценным документом, живым свидетельством правды блокадных дней, которое дополняет наши представления о поступках, мыслях, сомнениях, слабостях и силе человеческого духа людей, прошедших это испытание.

ТЕТРАДЬ № 1

Закончена 16/III и начата новая 17/III

Случилось так, что фронт подошел к Ленинграду на пушечный выстрел, и неприятель занял все дороги, ведущие в глубину Союза, продлив фронт до самого Ладожского озера. Ленинград оказался в блокаде. Это была середина сентября, а теперь уже январь, и на дворе стоят жуткие морозы 35–40°. Нева в этом году встала на 6 дней ранее всех ранних сроков, и такие ранние морозы, без оттепелей, сулят холодную длительную зиму.

Неосторожное обращение с огнем, главным образом времянок различных фасонов и форм, вызвали большие пожары. При сильных морозах, когда тушение очень затруднено, дома горят по несколько дней и выгорают до каменных стен. Это бедствие, пожалуй, хуже бомбежки.

Окружение или блокада Л<енингра>да вызвали истощение запасов всех видов продовольствия, топлива и всего прочего.

Город попал в крайне тяжелое положение. Правда, продовольствие привозилось водным путем, но около 1/3 его топились, а поэтому для такого желудка, как Ленинград, это было совершенно незначительно. В Л<енингра>де скопились беженцы из пригородных районов и армии. Поэтому был введен строгий режим потребления продовольствия. Труднее всего оказался месяц декабрь. Чтобы усилить блокаду, немцы заняли ст. Войбокалу и г. Тихвин.¹ Попадать в Л<енингра>д можно было только очень далеким окружным путем. Поэтому после взятия Тихвина и Войбокалы войсками Кр<асной> Армии открылся доступ более близкий к Л<енингра>ду, и продовольствие пошло быстрее.

Ежемесячно в середине м<еся>ца производилась перерегистрация карточек. Существовал промысел воровства продов<ольственных> карточек. Поэтому похищали сумочки, портфели в надежде найти там карточки.

За хищение продуктов, спекуляцию ими Трибунал присуждал к смер<тной> казни, и таких случаев было много. О них печатали в газетах.

Смертность сильно возросла в январе и начале февраля, когда выдачи были крайне ничтожны. Во второй половине февраля смертность уменьшилась, но все еще продолжает быть очень высокой, и теперь от заболеваний дизентерией. Воды в домах нет, воду берут часто из ям на улицах, лазая туда своими ведрами и заноса заразу. Дров у населения мало – очевидно, и пища не всегда хорошо проварена.

Электричества и трамвая нет с декабря–января м<еся>цев. Сломали заборы, мебель и все, что только можно, пущено на дрова.

Магазины начинают торговать в феврале и марте, когда стало светлей и теплей. Создались рынки-толкучки, где идет ходкая, гл<авным> обр<азом> меновая торговля. Иногда прекрасные дорогие пальто идут за 1–2 кг хлеба.

Главный продукт, что требуется, – это хлеб. Деньги меньше всего играют роль. 100 гр. хлеба стоят от 40–25 руб., смотря по нормам выдачи. Выдаваемые продукты сейчас же появляются на рынке и обмениваются гл<авным> обр<азом> на хлеб. Масло, мясо, крупа, сахар, меланж. Хлеб все-таки насыщает, а следовательно в нем большая необходимость, чем другие продукты, хотя они так же, если не еще больше, питательны.

16/III. Хлеба не прибавили.²

20/1 42 г. Усиленно говорят, что с 22/1 прибавят хлеба. Мороз – 30°. Вода замерзла и в жакте. Вся задняя лестница нашего дома залита экскрементами. Двор тоже. Что же будет весной? Зарницы орудийных выстрелов стали далекими. Сегодня бухало два дальнбойных. Обстрел города прекратился.

21/1. Хлеба еще не прибавили. Мороз такой же. Горят дома. Потушить из-за мороза очень трудно.

На Л<енингра>дском фронте существенных перемен не произошло.

Продукты наши на исходе. Что-то будет? Получить на рынке, где Катя (жена автора дневника. – Л. Г.) прикрепила, очень трудно. Каждый день объявляют новые выдачи, но очень ничтожные порции.

Получили письмо от Вали. Она хочет приехать сюда. Это безумие.

22/1. Прибавки еще не выдали. Ждем завтра.

24/1. Наконец прибавили хлеба. Иждив<енцы> – 250, служ<ащие> – 350, раб<очие> – 400.

Я поел хлеба и почувствовал себя лучше.

25/1. Нет воды, ходили на Неву, берем из теплофикации. Радио и телефоны не работают, так как разрядились аккумуляторы. Мороз –30° и резкий ветер. Дома холодно и голодно, но заработал в столовой кашу и принес домой.

26/І. Телефоны еще не работают. Мороз не ослабевает. Дома горят до каменных стен. Ужас. Пожарные бессильны. Хлебные заводы стоят. Колоссальные очереди до самой ночи, и хлеба нет.

27/І. Очереди за хлебом. Хлеба не получили. Выдают мукой, но жестокий % припека – 65%. Выдачи ничтожны: 100 гр. мяса, 50 гр. масла, 200 гр. муки. Чем питаться? Продержимся ли это время. Смертность растет.

28/І. Хлеба не получили. Огромные очереди.

29/І. Хлеб получили. Катя простояла в очереди с 6 ч. утра до 6 ч. вечера. Телефоны заработали. Очереди за хлебом огромные. Студентам каши не варили. Положение очень тяжелое. Силы мои уходят. Что-то будет? Выживем ли?

30/І. Телефоны опять не работают. Выдач продуктов нет. За хлебом очереди меньше. Мороз легче. Дела на фронте хороши. Когда-то спасение?

31/І. Мороз мягче. Телефоны работают.

Везут массу покойников. Рядом с нами лежит раздетый женский труп. Везут трупы возами. Ужас.

Матросы стреляют галок – счастливицы. Объявлена норма за январь. Хуже декабря. Масла нет. Январь прожили. Что-то будет дальше. Пухнут ноги.

У Кати пухнет лицо, а у меня ноги, но к утру опухоль спадает.

1/ІІ. Вот и февраль. Январь прожили. Едим студень из столярного клея.³ Клей декстрин. К чему приведет еда этих суррогатов? Может быть, это медленное отравление всего организма.

Очереди за хлебом пропали, так как задержали выдачу карточек. У нас хлеб чудный, а на В<асильевском> О<строве>. ужасный. Катя перешла на другую работу и получила раб<очую> карточку. Мы поели хлеба, но не досыта, а как хочется поесть.

2/ІІ. Мне сохранен рацион – думаю, выскочим. Представилась возможность работать в воинской части и получать добав<очный> тылов<ой> паек – это спасение. Если бы сухой выдали?

Встречал особенно много покойников.

Объявлена норма на январь – крохи. Видел много машин с мясом. Принимают меры к прекращению пожаров. Погода теплее – 10–18°. Открылись парикмахерские, телефоны работают.

3/II. Телефоны не работают. Радио говорит очень тихо. Воды нет. Пожары продолжаются. Трупы возят возами. Страшно смотреть. Валиются на улицах, и всем все равно. Проходят мимо.

Погода мягче. Обстреливал неприятель Петроградскую сторону. Жутко. Иногда очень часто рвались снаряды. Дорога вдоль моря к Стрельно – Б<ольшие> Ижоры и Ям-Ижоры⁴ свободна.

Уходя, немцы оставили массу продуктов, главным образом консервы мясные и сгущенное молоко датские. Рыбные норвежские. Банка по 4–5 кило. Моряки говорят, что прекрасного качества.

Сегодня удалось поесть хлеба. Вечером болит живот – распирают газы. Надо постепенно увеличивать объем пищи.

В роте тому, кто бывает, дают только суп. Вообще там кормят неважно. Чем объяснить, что обе части стоят в тылу, и в одной сытно кормят, а в другой голодно? Воровства не допускаю. Дело, видимо, в хозяйственной жилке командира. Видел Ганкганверта и его жену.⁵ Бедняга распух. Вид ужасный.

4/II 42. Хороший морозный день. Солнце, а мне навстречу вереницей везут мумии, или автомобилями. Стали действовать телефоны. Хлеб есть. Продукты выдают за январь. Везут ан<глийский> сахар.

Положение напряженное. Настроение Кати ухудшилось. Мне жаль ее до боли в сердце. С продовольствием у нас трагедия, доедаем последние крохи. Что будет дальше? Неужели февраль будет такой же голодный? Тогда мы погибли.

Есть зацепка за батальон. Если это пройдет, смогу помочь Кате. Говорят, что дорога до Б<ольших> Ижор по берегу моря уже свободна. Противник отступает и оставляет запасы оружия и продовольствия. Прекрасные мясные, рыбные и молоч<ные> консервы, которыми отъедаются моряки.

В пятом часу бронепоезд опять обстреливал центр города. Я шел в это время и укрылся в дом. В сводке дня нашего фронта нет ничего утешительного. Газеты не выходят. Радио говорит, но очень тихо.

Идет усиленно, по размерам транспорта, эвакуация.

15 февраля. Прибавлено хлеба с 11/II р<абочим> – 500, служ<ащим> – 400, ижд<ивенцам> – 300. Выдают масло, мясо, сахар,

крупы, но по небольшим дозам. Говорят, идут рыбные продукты до 800 вагонов – поедим малость. Положение мало изменилось. Пожары сократились, так как морозы ослабли. Сегодня тепло. Люди ходят грязные, невымытые, с бледно-синими лицами. Организмы истощены до предела. Умер Анд<рей> Пав<лович> Козловский⁶ – мир праху твоему, дорогой друг. Смертность не сокращается. Устраивают стационары, чтобы поддержать наиболее истощенных. Вчера и сегодня бронепоезд опять обстреливал город. Вчера В<асильевский> О<стров> – Университет – Акад<емия> наук, а сегодня – <ул.> Чайковского – Литейный мост. Это варварство. Радио сообщило об обстреле, когда он закончился. Так всегда.

Целый день идет сильная орудийная стрельба, а время от времени трещат пулеметные очереди. То ли враг хочет войти в город, то ли наши ему чешут загривок. В Неве найден вибрион. Нас ожидают кишечные заболевания. Пейте только кипяченую воду и ту хорошо кипятите. Газеты не выходят. Телефоны действуют. Бань и парикмахерских нет.

Сняли Попкова⁷ и назначили Андреева – которого?⁸ Это вызвало выдачу продуктов населению в большом количестве. Улучшили порции в столовых. Меньше вырезают талонов.

Улучшился наш рацион, но раздавальщица и руковод<ство> тянут с нас, что только могут, а поэтому выходит очень голодно. На нем можно сидеть, ничего не делая и мало двигаясь.

16/II. Объявлена еще выдача крупы за I декаду 500 гр. раб<очим>, 300 служ<ащим> и 250 иждив<енцам>. Все это ничтожные подачки для истощенного, умирающего населения. Крупа частично американская-смоленская.

Пожары сократились, но улицы заливаются водой из-за лопнувших водопроводных труб.

17/II. Идут рассказы о том, что наши взяли Ушаки и Любань и двигаются в Кингисеппу,⁹ отрезая всю ленинградскую группу фашистов к морю, с тем, чтобы их там утопить. Город опять обстреливался.

17/II. Сильный обстрел города был по В<асильевскому> ост<рову>. Снаряды рвались около Ак<адемии> наук и Университета.

18/II. Сильный обстрел и всю ночь артил<лерийская> пальба, из тяжелых и дальнобойных. Выдают 500 гр. крупы.

19/II. Выдают 150 гр. сух<ого> картофеля на карточку. Все ждут опять прибавки хлеба и каких-то больших новостей по военным операциям. Университет готовится к эвакуации.

20/II. Сегодня объявили, что войска Федюнинского¹⁰ прорвали две линии обороны. Говорят, что Красное и Гатчина¹¹ в наших руках. Идет усиленный подвоз продуктов к Л<енингра>ду. Ожидается поступление до 800 вагонов рыбопродуктов. Привезли бы трески и сельдод. Как давно мы не ели рыбы. Неделю я работал авторемонтным слесарем и получал добавочный красноарм<ейский> паек. Это несколько восстановило мои силы.

Не пришлось бы менять службу. Хорошо бы сделаться грузчиком, они хорошо зарабатывают. Вопрос – хватит ли у меня сил таскать грузы. Знакомые рабочие уверяют, что работа не очень тяжелая. Лучше бы быть авторемонтным слесарем – это ценная квалификация во всех случаях жизни и в деревне, и в городе. Давно не было писем от Вали и от Володи.

Интересно бы знать, что делается сейчас в Пушкине¹², и как моя квартира? Что сохранилось?

Много больных желудками – глав<ным> образом поносы.

Сегодня теплая туманная погода. Вчера вечером в 8 ч. была объявлена воздушная тревога, которая длилась минут 15. На нее сейчас мало обращают внимания. К ней привыкли, с ней сжились и забыли про нее. Сейчас все заняты едой, чтобы спасти свой живот. Начинают открывать окна в магазинах. Отдирают деревянные обшивки и разбивают гарь и песок, которые порядочно смерзлись.

Видел тяжелую сцену, когда женщина набросилась на девочку, вышедшую из булочной, и отнимала у нее кусочек хлеба. Девочка жалобно умоляла: «Тетенька, мой хлеб. Не бери его. Это мой хлеб». Я подошел и вырвал ребенка из лап этой ужасной женщины, черной от сажи, немойтой из-за лени принести воды. Таких чумазных ходит по улицам очень много. Опустился народ. Изредка попадаются здоровые свежие женские лица, глав<ным> образом молодые – даже с намазанными губами. Многие женщины мечтают о том времени, когда они смогут опять одеть хорошее платье, сменить валенки на туфли, принять ванну. Кстати, начинают действовать бани. Мне удалось подстричь свои космы в Университетской парикмахерской. Большое удовольствие снять лишние волосы. Но когда я попаду в баню, не знаю.

Идет массовый отъезд из Ленинграда. Публика бежит. Если блокаду не снимут, то на период распутицы можно ожидать опять голод-

ные нормы. Но этого периода мы уже не выдержим, т^{<ак>} к^{<ак>} запасы наши кончились.

Дни заметно прибавились, а горячее у нас убавилось. Стараемся раньше лечь спать.

24/II. День годовщины Кр^{<асной>} Армии не принес особенных новостей. Правда, накануне всю ночь сильно грохотали пушки в районе Колпина и Пушкина, но чем все дело закончилось – неизвестно? Выбили ли наши немцев из этих районов или нет?

Производят выдачи еще мяса и крупы. Усиленно уезжают, но говорят, что дорога безумно тяжела. Вагоны не отапливаются. В дороге не кормят. Добывай себе пищу сам. Из Университета должны были уехать и уехали на вокзал 1600 чел^{<овек>} еще 22/II, но сидят на Фин^{<ляндском>} вокз^{<але>}.

Слышал, что идет 700 ваг^{<онов>} рыбы и поехало 8 чел^{<овек>} проталкивать эти товары в Вологду, а в очередях уже говорят, что будут выдавать клюкву и воблю. Выдают по 25 гр. какао и 150 гр. сух^{<их>} овощей – я взял капусты и картошки. Получил мясо, и завтра у нас мясные щи.

Вечером возвращаясь, на Невском встретил воен^{<ного>} летчика, которому нужно было подвезти вещи. Я предложил свои сани. Он наградил меня огромным ломтем на дорогу, который я тут же съел, а затем дал кусок не меньше килограмма за работу. Хлеб прекрасный. Нет, свет не без добрых людей. Пока судьба в самые тяжелые минуты приходит мне на выручку. О Боже, благодарю Тебя! Хлеба осталось и назавтра утром – это уже экономия, и мы сытые ложимся спать. Ходил в 8 столовую, и там Осип Пав^{<лович>}¹³ налил мне супу погуще, да прибавил туда гороху, да жиру полил. Я ел и наслаждался этой едой, которую в мир^{<ное>} время не взял бы в рот. В ней мало сытости. Один объем.

На улицах ледяные горы, где берут воду. Начинают убирать дома, дворы, улицы. Иначе весной будут страшные эпидемии. Много лиц страдают поносами. Воду нужно долго кипятить. Сижу пишу – при свете мигалки. Желудок приятно отягощен пищей. Поели с Катей горохового супа с хлебом вволю. Завтра утром будет студень из ст^{<олярного>} клея, достал укус^{<ной>} эссенции. Мои служебные дела очень плохи. Могу лишиться этой службы, а главное – рациона, который с переходом в 8 стол^{<овую>} с 1/III будет много лучше. Куда идти и где искать работы? Хотелось бы получить квалификацию авторемонт^{<ного>} слесаря – такой человек всюду и везде, и всегда ну-

жен. Уметь исправить двигатель – это очень важно всегда. Машину я еще плохо знаю – вернее, совсем не знаю, но очень хочу знать! Это даст мне всегда и всюду хлеб. В совхозах, колхозах, МТС¹⁴ и т. д. такой человек нужен всегда.

Узнал, что многие из наших товарищей охотников умерли или, как теперь говорят на жаргоне – «заснулись». Это Шведе, Шестаков, Молотов. Многие уехали и бросили квартиры с полной обстановкой, а теперь издано постановление СНКома¹⁵ о том, что эвакуированные лишаются жилой площади. Так оно и есть, их комнаты по большей части уже заняты. Меня обобрали прекрасные Загорские + Рязанские с помощью Завиденковых.¹⁶ Вот не ожидал никогда такой подлости от них. Поставил им ультиматум.

Проходил мимо сгоревших домов – тяжелая картина. Сегодня 1–2 ч. дня сильный обстрел города со стороны Лигова.¹⁷ День значительно прибавился. Солнце теплое. Утром шел снег большими хлопьями.

Один красноармеец сказал, что боевое вооружение всегда при нем – «котелок, ложка и кружка». Так и у меня всегда при себе котелок, ложка и ножик для хлеба или мяса. Ложка алюминиевая – моя действительная кормилица. В некоторые тяжелые минуты она выручала меня – появлялась еда, и ложка тут как тут. Особенно ценный момент был с повидлой – вкусно закусил. А теперь как если вырвал и поел, то ты герой.

Так было и сегодня в 8 столовой.

26/II. Вчера по радио объявили о большом успехе на нашем фронте. В районе Старой Руссы разбита 16 герм<анская> армия,¹⁸ и взяты большие трофеи. Немцы отклонили предложение нашего командования о сдаче в плен, и было убитыми только 12 т<ысяч> чел<овек>. Ужасная война! Сколько жертв! Кому они нужны!

Надо полагать, что наш успех будет развиваться дальше, и это ускорит снятие блокады.

Днем и вечером он еще раз обстреливал город. Снаряды ложились на Петрогр<адской> стороне. А я в это время переходил Неву, а затем у Летн<его> сада, на трамв<айной> линии, в самом саду и на Фонтанке.

Опять выдают еще мяса, крупы, сахар и клюкву. Усиленно говорят, что будет скоро рыба. Я точно знаю, что идет 700 вагонов рыбы, и выехало 8 чел<овек> в Вологду их проталкивать сюда. Завтра будут выдавать клюкву. Так, почти каждый день, что-нибудь да получаем.

Действительно, февраль много лучше января. Говорят, что смертность уменьшилась, но не думаю, чтобы очень резко, так как питание только-только начало улучшаться.

Многие уже уверенно думают, что выживем. Однако эвакуация идет полным ходом. Это и хорошо, т<ак> к<ак> легче вывести во внутрь народ, чем завозить сюда ему продукты. Многие думают, что как только немцы увидят, что Л<енингра>да им не взять и не разрушить, то опять начнутся бомбежки. К ним-то население уже достаточно привыкло.

Эвакуируемым в Вологде назначается двухнедельный карантин, после чего могут ехать дальше. Говорят, что и у нас с 1 марта будут какие-то карантинные меры.

Что сейчас дешево – это мебель и посуда. Уезжающие продают иногда ценные вещи прямо даром. И видишь, как везет публика вещи на саночках иногда очень ценные, а возницы не по вещам.

Февраль для моей семьи в продовольственном отношении был очень благополучен. Что-то даст нам март. А там апрель – охота. Пока прилет птиц. Разрешат ли охоту и где достать ружье. Видел у одного прекрасную двадцатку Лебо¹⁹ на 8 фунтов. И ружье по заказу <нрзб.> Вот это ружье, с которым бы я никогда не расстался бы и с которым я был бы совершенно уверен на любой охоте. Какая работа <нрзб.>, но это барская затея теперь не по времени – дорого терять <нрзб.>. Засечки внутри все золоченые. Чудное ружье, и не по охотнику оно.

Был у Третьяк<ова>.²⁰ Одна сестра умерла, а две другие, наверное, выживут. Сам он недалеко от Л<енингра>да, и думаю, что помогает им. Предложил им работу в швейной мастерской, но они отказались. Теперь все стараются меньше двигаться.

У меня второй день понос. Остановить его еще не могу. Силы ослабли. День морозный.

27/II. Ночью город обстреливали дальнобойными, а утром сильно палили наши. Морозно. Желудок будто бы лучше. Будут разносить по квартирам таблетки от дизентерии. Выдают клюкву. Сводка опять хорошая и на нашем фронте бои за К<олпино> и П<ушкин>.

Выдавали сахар, крупу, клюкву мороженую. Кормили на рации отвратно. Встретил своего ученика с курсов Зав <нрзб.>. Вспомнили недавно умершего Ганганверта, и многие из моих учеников убиты. Часа в 4 была тревога, но радио действует слабо, и мало кто обращал на нее внимание.

Сегодня наши сотрудники вспоминали, как жили они, работая в отд. труда Облпродсовета. Как ходили по предприятиям, и им заворачивали посылочки на продовольственном предприятии, и как объедались они на конфетных и кондитерских фабриках. Как проходили конференции, и что только они не ели на наши профсоюзные взносы. Особенно по кондитерской промышленности – торт «Союз» – как его ели? Приезд папанинцев²¹ в зале Филармонии и торт, приготовленный специалистами.

Прием Правительственной комиссии *нрзб.* 20 дней, и оплата в 2000 р. за работу, ящик сигов и шоколадных конфет. Хорошо, что правительство вовремя остановило эту вакханалию.

Сегодня день прошел довольно тихо – неужели немцы отступают, и действительно блокада будет снята.

Читал приказ Наркома обороны т. Сталина по поводу 24 годовщины Красной Армии. Написан довольно правдиво, но исполнится все так, как там сказано, – это интересно. Сможет ли СССР в одиночестве одолеть эту фашистскую гидру? Хватит ли у нас техники. Сейчас, надо думать, немцы ведут бешеную подготовку к весенним операциям. Помогут ли нам англичане, начав активные действия на Западном фронте, и закончатся ли операции в Ливии к тому времени?²²

Написал письмо Володе. От него давно нет писем. Все ли благополучно у них там? Как хотелось бы мне махнуть туда. Отдохнуть и поесть немного. Походили бы по гостям, кто еще остался в живых, поменял бы картофеля, овощей, молока. Коровы телились поди, а там и за лосями махнуть не грех бы. Поискать их стоянок в Чернодырове или около Коровьего вала. Много бы мяса добыть можно с одной штуки. На Орле, наверное, есть глухари. Штучки две свалить не вредно, да и выстрелы бездымным порохом из 20 калибра совсем негромкие в зимнее время. А если ветер, то в Дубне и не услышат.²³

Как бы достать ружье? Вот мечта. Весна подходит, можно прокормить себя и семью.

Прорубают и очищают трамвайные линии – неужели пойдут трамваи?²⁴ Все это давно забыто. Скалывают лед и снег с панелей.

Много заболеваний дизентерией. У меня боли в желудке прекратились.

Мое служебное положение совершенно не ясно еще. Чистяков шляпа, как я и думал. Я, я – а на самом деле ничего! Удивительный человек! А свои дела умеет устраивать.

Давно не было писем от Вали. Что-то не случилось ли чего?

Грузчики рассказывают, что на складах продуктов очень много. Население говорит – эти запасы имеются до июня м<еся>ца – пустяки. Что-то будет в марте?

28/II 42. На март м<еся>ц моя работа определяется на Маяковской.²⁵ Нужно разместить заказ на 300 т<ысяч> конвертов. Они хотят использовать на это дело мои последние силы. Но я предупредил, что меня уже высосали на пустяки, а теперь я очень тяжел на подъем, как и другие сотрудники. Иванов и Иерусалимский²⁶ уже не ходят. Второй особенно плох. На рацион меня поставили. Посмотрим завтра, где лучше, где хуже.

Сегодня прекрасный, теплый день. На солнце уже началось легкое снеготаяние. На улицах очищают трамвайную линию.

Много объявлений на стенах домов о продаже и обмене вещей на деньги или продукты. Иногда встречаются прекрасные вещи. Очень дорогие, но идут очень дешево. Так дороги сейчас продукты, и их так мало.

Идут разговоры, что откроются коммерческие рестораны и магазины. В первую очередь открывается магазин полуфабрикатов, как это было одно время в помещении быв<шего> ресторана Федорова²⁷ – вот была славная обжорка мирного времени.

Ресторан этот посещался и мелким чиновником, служащим, студенчеством. Главное – в нем была стойка, где можно было получить большие бутерброды с горячей ветчиной, бужениной, солониной, колбаской за 10–15 к., бокал бочечного, очень вкусного пива или рюмку водки с беконом. Т<аким> об<разом> быстро и хорошо закусить. Это единственный ресторан в Петербурге с такими горячими закусками. Все остальное было, как в ресторане средней руки. Свежесть продуктов – это очень важное дело.

Сегодня очень сильная артиллерийская стрельба из тяжелых орудий, но сравнительно на далеком расстоянии. Было время, когда эти орудия стояли на бегах, на 2 Л<енингра>де²⁸ Октяб<рьского> вокзала. И когда они падали, у нас звенели стекла окон.

На пути из Университета подвез вещи военному. Он дал мне 3 папироски. Хлеба у него не было. Он также сказал мне, что отход немцев возможен только через Кингисепп. Возможно, действительно части, расположенные по оккупированию Л<енингра>да, окружены, и пути отступления ему отрезаются.

1 марта. Легкий мороз. Несет тонкую поземку. Небо серое. Ночью и особенно под утро сильно била артиллерия. Днем легкая пурга.

Был у П. Ф. Он предлагает работу, но его учреждение далеко. Тихо. Стрельбы вечером не слышно, а утром обстреливал город. Снаряды ложились на Литейном, а говорят, что Детское, Пулковое и Павловск²⁹ уже очищены от неприятеля. Видимо, везде.

Сегодня проходил мимо Греч<еской> церкви, у стены Урологич<еской> больницы я видел валяющийся брошенный труп молодой женщины, а на Басковом около стены казарм, на тропинке – отрезанная человеческая голова. Очевидно, тело съели. Интересно, существует ли людоедство? Рассказыв<ают> про него очень много. Сегодня видел, как милиционеры вели парня, сильно изнуренного, оборванного, а один из милиционеров нес окровавленный топор. Должно быть, разыгралась тяжелая драма.

Говорят, что встречали около кладбищ трупы, особенно женщин, с отрезанными грудями и ягодицами. Родители съедали своих детей. Ну, а собак, да и тех почти всех приели, даже кровных охотничьих. Кошек уже давно нет. Нет и мышей у нас. Не видно голубей, но воробьи и вороны имеются. Галки летают. Особенно их много на Неве, где теперь свалка снега и разных нечистот. Что-то будет весной? Сейчас уже дизентерия косит народ.

Имущество, застрахованное от огня, если гибнет от бомбежки, то премия не выплачивается, если застрахованный убит бомбежкой, снарядами или умер от дистрофии, то премия также не выплачивается.

Вчера мне выплатили зарплату за II пол<овину> декабря и обещали ликвидировать январскую и февральскую задолженность.

Отчего я записываю различные разговоры, которые ходят по городу? С целью их дальнейшей проверки, т<ак> к<ак> сведения исходят, быть может, и из верного источника, а затем искажаются после <нрзб.> передачами, как это всегда бывает.

Сегодня усиленно говорят о новой прибавке хлеба с 3/II по 200 гр. на каждую категорию. Едва ли??!

Рацион, на который я теперь попал, – голодный. Крадут, как только могут.

Сегодня отдаем заслуженный долг студню из столярного клея, и из него же кофейное желе. Едим уже сколько времени – ничего. Одна даже поправилась, как стала есть этот студень.

П. Ф. болен. Сильно ослаб, и доктор признавал у него слабую циркуляцию крови. Советовал попить водки. Действительно, ему достали две сотки спирта, он выпил их и стал ходить. Водка заменила хлеб, мясо и масло. Я сам выпил ½ рюмки и пил, как вкуснейшийликер простую водку, слегка настоянную на апельс<иновых> корках.

Меню:

Завтрак.

Студень. Суп из греч<невой> крупы. Чай.

Обед.

Студень. Суп из раз<ных> круп. <нрзб.> кус<ка?> мяса, по мал<енькой?> капле желе с хлебом.

Ужин.

Студень. Суп. Желе с бел<ым> хлебом (50 гр. на челов<ека>).

Днем пили чай с сахаром, но, увы, лепешек не было. Где бы достать муки?

2/III. 7 ч. утра. Серое, мрачное утро. Тихо, стрельбы нет. Погода мягкая, чувствуется весна. Что, если бы мы могли есть каждый день так, как ели вчера в воскресный день, или, вернее, ужинать, то это было бы сносно.

Никаких выдач не объявлено. Туго. Писем ни от кого нет. Днем снегопад. Вечером полная тишина – стрельбы нет. Мигалка плохо горит.

Рацион голодный. От голода разболелась голова. Едва тащу ноги.

Пужинали хорошо. Суп горохов<ый>, по маленькой котлетке. Хлеб. Чай с сахаром. Студень еще не готов.

Проходил днем мимо больницы на Маяковской – около лежат привезенные и брошенные трупы. Убирай же! Чудовищно жутко делается в такие минуты.

Похоронить в отдельной могиле стоит от 2–3 кг хлеба, 400 руб. денег и 2 пачки папирос. Это выкопать могилу. Гроб стоит 2 кг – только сделать из вашего материала.

В газетах напечатана речь Черчилля в Парламенте после падения Сингапура³⁰ – положение англичан очень тяжелое. Япония доминирует на Востоке и бьет и англичан, и американцев. Война может принять затяжной характер, и англичане Западного фронта не откроют. Нам будет очень тяжело. Голод неминуем по всей стране. Нужно делать запасы к будущей зиме. Она будет еще голодней. Жутко делается, если хорошенько подумаешь. Едва ли выживем.

3/III. Легкий мороз. Снегопад, но небольшой. Тихо. Стрельбы не слышно. Особенных новостей нет с фронта.

Видел особенно много привезенных трупов – это назыв<ается> смертность уменьшилась.

Продовольственных выдач нет. Говорят, что будет масло и сахар по февр<альским> карточкам. Служебные отношения мои очень на-

тянуты и, наверное, порвутся, но треск... будет сильный. Я выведу их на чистую воду.

13 выдача не объявлена и вечером. Опять голод. Что бы это могло значить?

4/III. Морозный день с сильным северным ветром – резко режет лицо. Утром город обстреливался. Снаряды ложились на Литейном, у Марсова поля и у Адмиралтейства. Видел жуткую картину. Воронка, а рядом труп мужчины, а у панели лежит женщина с разбитым горшком и сеткой – чья-то мать шла по хозяйству, и здесь совершенно неожиданно ее застигла смерть. Невинные и ненужные никому смерти. Горит электроток – наверное, тоже попал снаряд.

Выдач опять не объявлено. В «Правде» статья улучшить работу столовых и буфетов – а там знай крадут всюю. Приходящие контролеры едят, а затем уходят. Вопрос только – как сумеют принять, а отсюда и резюме. Отношения на службе по-прежнему плохие.

Катя сильно устает. Надо искать другой работы или покидать Л<енигра>д, но для этого нужно тепло. Сейчас ехать, по всем имеющимся сведениям, очень и очень трудно. Хватим в пути горя, голода и болезней. В городах квартирный вопрос, а в колхозах и совхозах – вопрос продовольствия и квартир также. По письмам уехавших – многие хотят обратно, да ах! Может быть вытерпим!

Опасна распутица, когда опять можем сесть на 250 гр. Страшно подумать. Читаю биографию Седова³¹ и его попытку достигнуть Сев<ерного> пол<юса>. Вот типичная драма на наш русский манер. Ужасно тяжело. Напоминает наше настоящее положение.

5/III. Мороз –15 ° и сильный N.³² Ночью северное сияние – холода будут еще держаться. Тихо. Обстрела не было. Много везли мумий, и часто разбросаны по улицам. Это тяжелая картина. Выдают раб<очим> мяса – 300, сахар – 300, спичек – 2 кор., компот – 100.

Прибывают рыбные грузы – треска и мелкая рыба.

Очищают трамв<айную> линию и дворы. Ожидаем открытие бань. Есть надежда уйти на производство – опять на В<асильевский> О<стров>.

Очень голодно. Получил декстрин, и сегодня поели плотно за чаем.

Вести с фронта хорошие. Особенно на Юге. Но есть хочется. Как погасить голод? Мечтаю только о хлебе! Еще бы 600 гр., и я был бы сыт.

6/III. Мороз меньше, и ветер не такой злой. Утром обстрел города и по нашему району, но недолго.

Особенных новостей нет. Мне удалось свалить заказ на конверты, и скоро я опять буду на В <асильевском> О<строве> работать авто-слесарем.

Начинаем думать, что весной нужно будет покинуть Л<енингра>д и уехать в деревенскую глушь, где устроиться учителями. Меня тянет Белозерск³³, так как там район глухой, охотничий и в то же время рыбный, а это важное подспорье.

Был у Зверева, он тоже думает махнуть в Ладогу. Т. А.³⁴ уедет весной, чтобы посадить огород, а затем он приедет. Хочет достать лодку и на ней увезти барахлишко. Думаю присоединиться к нему и на этой лодке махнуть дальше.

Сегодня мумии все детского возраста. Эвакуируют ремесленников, их давно нужно было увезти.

В деревне, думаю, жить нам будет лучше. Приехав весной, мы обживемся к весне.

Открываются бани, но килом<етровые> очереди, в которые становятся с 5 ч. утра.

Усиленно расчищают трамвайные пути. Ждем прибавки хлеба. Сегодня случайно заработал кусок хлеба и с жадностью его съел. Как хочется хлеба!

Морозная звездная ночь! Зима в этом году на диво холодная, без оттепелей, к которым мы так привыкли, и, по всем вероятностям, будет продолжительной.

Как-то я вывернусь с дровами? На керосин и электроэнергию не рассчитывай – это тебе не Лондон, и положение не то.

7/III. Утром слегка морозно, а затем выдался прекрасный солнечный день. Сильно таяло на солнце, а в тени – мороз.

Днем прилетал нем<ецкий> самолет. Зенитки открыли бешеную стрельбу, но без результатов. Вечером артиллеристская стрельба резкого характера. Обстрела города не было. Выдают раб<очим> 300 гр. крупы, служ<ащим> – 200 и т. д. Говорят, что перспективы продовольственные не особенно хороши. Прибавки хлеба едва ли можно ожидать.

Во время прилета нем<ецкого> сам<олета> воздушная тревога не объявлялась, да и публика совершенно равнодушна к обстрелу. Слишком заняты своими делами, мыслями и тревогами за будущее. Объявляли, что много топлива завезено. Расчистка трамв<айных>

линий идет успешно. Неужели правда пойдет трамвай? Как мы уже отвыкли от этого способа передвижения. Вспомнить только, что было осенью ненастной. Самое худшее – это налеты. Сначала я был к ним равнодушен, но после того, как бомба разорвалась на 5 Сов<етской>, недалеко от нас, меня обуял страх. Самый настоящий животный страх. Немец был аккуратен. Он прилетал в одно и то же установленное им время и бросал бомбы. Первая бомба, около нас, упала при следующих обстоятельствах.

Мы сидели на лестнице, что, как потом выяснилось, самое опасное, так как лестничные пролеты легко вылетали из своих гнезд и давили всех, кто был под ними, своею тяжестью.

Слышен был гул самолета и резкая стрельба зенитки. Я вышел на улицу, встал в амбразуре парадной двери.

На северной части небосклона была большая туча, и в край ее бил зенитка, в небе вспыхивали огоньки. Самолет приближался и по гулу шел прямо на наш дом. Вдруг раздался какой-то свист, шум чего-то падающего с неба. Это летела брошенная бомба. Казалось, низвергаются небеса. Затем взрыв, и всюду сыпятся стекла. В первую минуту я думал, что бомба попала в наш дом. Отбежал на другую сторону панели, чтобы посмотреть – в чем дело? Но дом стоял спокойно, а окна зияли чернотой.

Пошел посмотреть на наши окна. Одно разбито, другое цело. Уходя, я одно окно открыл, а другое – мешали цветы, но оно было приоткрыто. Этого оказалось мало. Вторые рамы целы. Так мы и прожили зиму, заделав одно окно картоном, бумагой и ковром. Хотя зима была и суровой, но особенного холода из-за разбитого окна не ощущали.

Затем мы уходили каждый вечер на Маяковского в подвал или спускались по черной лестнице в подвальную квартиру и сидели до конца тревоги. Иногда ходили в жакт, но там было противно, так как собиралось очень много народа. И разговоры их действовали хуже всякой бомбежки. Да, тяжелые были времена. Они могут всегда повториться. Особенно пострадал город и от зажигательных бомб.

Досталось Л<енингра>ду! Последнее время много народу скопилось дизентерия, а сейчас началась цинга. Все хорошо. Когда же конец войне? На Востоке между Англией и Японией она только разгорается, да и у нас к весне разовьются военные действия. Германия едва ли спит, а готовит нам новые сюрпризы. Англичане высаживали во Франции воздушные десанты, которые после окончания операций увозились военными кораблями обратно на острова. Это очень инте-

ресные и рискованные предприятия, и какую они принесли пользу? Думаю, что они были направлены на истребление подводных лодок, от которых за послед<ние> 2 м<есяца>, по словам Черчилля, Англия опять терпит большой урон.

8/III. Все ждали, что к Междун<ародному> дню раб<очих> будет прибавка хлеба, но, увы, ничего.

С утра небо пасмурно, легк<ий> мороз. Идут усиленные работы по расчищению трамвайной линии. Стрельбы не слышно.

Мне удалось несколько улучшить свое служебное положение, устроив дело с конвертами, но оно еще не закончилось. На В<асильевском> О<строве> работа в роте сокращается, и не знаю, попаду ли опять туда. Надо искать чего-нибудь нового.

Начинаю обдумывать эвакуацию из Ленинграда, так как если вытнем сейчас, то не вытнем на будущий год, когда не будет топлива и едва ли будет хорошо с продовольствием.

Мечтаем с Катей уехать в деревню. Получить школу и устроиться в ней на зиму. Запастись с осени продуктов, гл<авным> образом овощей, грибов, ягод и т. д. Завести хотя бы козу или коровушку, что еда ли.

Вопрос – куда ехать? Начинаю розыски в этом направлении. Меня тянет в Белозерский район Вологодской области. И вот почему.

1. Озеро Белое богато рыбой. Имеются рыбные колхозы, где всегда можно найти работу и рыбу для еды.

2. Район охотничий, дичи много. Значит, будем сыты.

3. Огородный район – овощи и картофель всегда будут.

4. Хлеба, конечно, в районе мало, но об учителях всегда особая забота; надо думать, и теперь будут давать.

5. Так как сейчас большая потребность во всяких видах продовольствия, то рыба нужна в большом количестве, и снабжение рыбаков поэтому всегда было лучше других категорий. Надо полагать, и теперь будет так же.

Надо собрать побольше сведений об этом крае. Напишу Вале в Вологду, чтобы она разузнала, где там хорошие места.

Сегодня у нас праздничный обед – щи из сушеной капусты, куда положили по одной шпротине. Это последняя коробка шпрот. На этом заканчиваются все наши запасы. На второе лапша с кровяной конской колбасой, это мой обед из столовой, но всего вместе очень мало. На третье желе из студня. На завтрак наш в столовой выдали сыр из козеина. Напоминает твердую студенистую массу – вареного сыра.

Во время обеда сильная артиллерийская стрельба и обстрел города, но мы уже к нему привыкли и продолжали обед как всегда.

Пришло распоряжение восстановить затемнение в окнах, а то многие уже перестали его применять.

Сегодня особенно усиленно проводят очистку трамвайной линии.

День выстоял очень теплый, небо серое и закат чисто весенний.

9/III 42.

Ночь прошла спокойно. Пасмурный, теплый день, но не тает. Вспомнил легенду о маршале Кулике,³⁵ которая была создана еще в ноябре. Тогда говорили, что Кулик сформировал армию в Сибири и идет на выручку Лениграду. Одно время уже видели и бойцов из его армии. Все это, конечно, оказалось мифом. Немцы заняли линию Тосно–Мга–Шлиссельбург,³⁶ разобрали ж. д. и наделали из шпал и рельс солидные укрепления, которые до настоящего времени наши не могут разбить.

Как и в прошлую войну, так и в эту, Германская армия оказалась хорошо обученной саперному делу.

В районе Пушкин–Пулково–Лигово столько огневых точек и так они пристреляны, что нашим и носу не высунуть.

Затем интересно, что у них почти совсем исчезла винтовка, и ее заменил короткий автомат, из которого они, не жалея, посыпают наши части, а иногда при наступлении простреливали целые леса. Отсутствие винтовок объясняет их боязнь принимать штыковой бой, так как нечем защищаться.

Саперные укрепления настолько крепки, что наши никак не могут взять Мги и прилегающих районов и освободить дорогу для ввоза продуктов питания.

Снимают песчаные–деревянные панцири с окон магазинов. Памятники закрыты панцирями. Фигуры с Аничкина моста сняты и увезены – спрятаны³⁷. Это правильно.

Днем опять была артиллерийская стрельба. Это наши долбят по немецким дотам. В сводке приводятся цифры захваченных дотов. Почти ежедневно разбиваются десятки таких укреплений, и войска продвигаются вперед, убивая порядочное количество противника от 600 до 2800 человек. Захватываются большие трофеи. В сводке сообщают, что немцы ввели в бой войска, которые предназначались для весеннего наступления, но ввиду нашего продвижения вперед вынуждены были не ожидать весны, а бросить войска сейчас в бой. Это по-

казывает, что у них нет резервов. Заходил в керосиновую лавку и слышал, как две женщины толковали с продавщицей о пропаже 8 лет<ней> девочки и <ирзб.>. Кому и зачем понадобился этот ребенок? НКВД принимало участие в розысках ребенка, но найти не могли. Куда же он девался? Неужели его съели? Другую цель покражи трудно предположить.

Опять идут усиленные разговоры, что с 11/III прибавка хлеба. Но я этому мало верю. Правда, хлеба мало. Это я ощущаю и на себе, но едва ли помогут 100 гр., которые прибавят. Приварок очень слаб. На этом можно владеть существование, но не работать, как этого от нас требуют, и вообще, как работали раньше. Народ сильно ослаб. В этом я мог убедиться и сегодня, когда мылся в бане после 3-х мес<ячного> перерыва. Страшно похудевшие тела у всех, особенно у юношей, а у пожилых, как правило, распухшие ноги или коленные суставы. Один только был в добром теле. Это, очевидно, какой-нибудь завмаг, или завскладом, или агент по продснабжению. Только эти лица и питаются сейчас хорошо. Остальное население не получает в полной мере того, что изнашивает. Еще нельзя сказать, что приостановлена смертность от истощения. Сеть открытых стационаров несколько помогает населению, но этого мало. Причем здесь опять получается странность: у лица, находящегося в стационаре, отбирают на это время карточку, а затем так ее обкарнают, что, выйдя из стационара, несчастный опять голодает, и поправка идет насмарку. Так было с директором НИФИ,³⁸ который пробыл в стационаре «Астории», где все кушанья подавались в блюдечках – можно судить об их размерах, но давали 40 гр. масла и 100 гр. сахара ежедневно. Последующая голодовка заставила его положить в стационар университета, где он несколько окреп.

Мне бы важно было устроить в стационар Катю, а затем уже воспользоваться самому, так как она хуже меня питается, а работает много и трудно.

Улетая на самолетах из Л<енингра>да, погибли певец Михай и академик Воячек³⁹ – не выдержали сердца.

В «Астории» стационар для высшей интеллигенции – литераторы, музыканты, художники и т. д. помещались там.

При великолепной обстановке ужасный холод.

Сегодня попал в баню. Женская очередь огромна, мужская меньше, но продвигается очень слабо. В чем же дело? Оказывается, из 48 шкафчиков работает только 12, так как нет замков. Уже растащили. Сходил домой за замком и после долгих препирательств закрыл

шкафчик своим замком. Вода горячая, электричество. Вся прислуга женская. В бане довольно тепло.

Сейчас 12 ч. ночи. Звездное небо. Тепло и тихо. Фронт уснул.

10/III. Мягкая погода. Весь день снегопад разной силы. Во многих местах опять занесло расчищенные трамвайные пути. Днем был опять обстрел района – Цирк – Марсово поле – пл. Урицкого⁴⁰. Дела на фронте не очень важны. Враг упорен и опять потрепал войска Федюнинского. Окруженному нами Мгинскому участку было сброшено на парашютах продовольствие. Несколько парашютов отнесло в нашу сторону. Там оказались белые галеты, ветчина, ром, сигары, консервы мясные и рыбные, которыми полакомились наши части. Вообще рассказывают, что почти всегда, когда занимают нем<ецкие> окопы, то находят продовольствие и хорошего качества.

Видимо, ожидать скорого освобождения Л<енингра>да нельзя. Затем поражает та массовая поспешность, с которой военные вывозят своих жен и детей. Усиленный отъезд Госнауки также говорит за то, что горизонт не совсем чист и не исключена возможность занятия Л<енингра>да весной немцами. Вот как складываются дела на сегодня.

Был у Ксешинского.⁴¹ Старик сильно ослаб и сдал. Месяц тому назад я видел его в лучшем виде. Сам он чувствует, что сможет вытянуть только весной, не ранее.

Слышал, что главная свалка покойников на ул. Марата около бань. Туда привозят и оставляют, а затем приходит машина, и все это подбирает. Много свалено трупов вместе со снегом в Неву. Они вмерзли в лед, который их уносит в Фин<ский> залив, и поплывут они к берегам Финляндии, Эстонии, Швеции и Германии, разнося с собой заразу и болезни. О, ужасы войны! Когда же им будет конец.

Прибавки хлеба не будет, так как узнал, что заводы и пекарни к этому не готовятся. Готовились к 1 марта, но затем последовала отмена. Если прибавят, то рабочим до 600 гр., а занятым в военной промышленности до 800 гр., а прочему населению едва ли. Не так-то много муки. Это чувствуется и по хлебу, который стал сырым или из затхлой муки. Правда, это дело пекарей, повышающих припек, чтобы покрыть расходы на сторону.

Служебные дела мои на распутье. Есть два предложения. Не знаю, которое из них выбрать лучше. Должно быть, завтра получу

еще 5 кг клея. Есть туманная надежда достать турнепса – это было бы истинное спасение от цинги и других болезней.

Подал заявление, чтобы меня положили в стационар «Ленатомаша» с 20/III с. г. Не знаю, что выйдет. Он рассчитан на 15 человек, и есть свободные места. За это время сильно подорвалось мое здоровье. Чувствую упадок сил, так как питание здесь ужасное.

Узнал, что от воспаления легких умерла Маруся Михалева. Это Катина ученица, которая часто к нам заходила и вдруг пропала. Мы думали, что ее убили и съели, так как она была достаточно полной. Оказывается, судьба ее сложилась иначе.

Вечер тихий, стрельбы нет. Идет снег. Что-то будет завтра? Какая выдача или ничего? Это вернее.

11/III. Морозное утро. Легкий снегопад. Снег так и хрустит под ногами. Вода разлилась по улице. Такие ледяные горки можно наблюдать на многих улицах. Особенно у «Пассажа»⁴² – разлив и огромная яма, из которой народ брал воду. Теперь это прекратили. По дворам ходят санитарные комиссии, наводящие чистоту и порядок, а жители опять нальют грязи.

Хлеба, конечно, не прибавили, и одна женщина в очереди на мой вопрос резонно ответила, и разговору не было, а прибавка бы очень нужна.

С утра тяжело смотреть на эти изнуренные лица голодных людей.

Сегодня получил предложение на новую работу и решил перейти туда – это на Выб^{оргской} стороне в плодоовощ^{ной} комбинат. Дают комнату. Есть стационар, столовая. Думаю, что там будет хорошо. Овощами мы себя там обеспечим на будущую зиму и лето. Дадут огородик. Вырастим всякие овощи.

С «Ленатомашем» все будет покончено. Довольно этим негодьям иметь бесплатных работников.

Вечер тихий. Легкий снегопад. Мелькают зарницы далеких выстрелов, а самих выстрелов не слышно.

Объявлена новая выдача мяса – 300, крупы – 300. Про хлеб молчок, а его так хочется. Мясо сегодня развозили по магазинам.

Опять создается легенда о новой Армии, идущей из Сибири на выручку Л^{енингра}ду.

Приехали различные делегации в Л^{енингра}д поздравлять стойкость и мужество выдержавших осаду. Одна пропаганда, а дела нет!

Снег опять засыпал трам^{вайные} линии, и работа пропала даром. У нас это часто бывает. Сначала сделают, а потом подумают. А обещали, что к 15 марта пойдут трамваи.

Смертность за это время опять увеличилась – косила дизентерия. На третий день люди умирали. Надорванный организм не выдерживал. Вымирали целыми семьями, оставляя одинокими сиротами детей или одного члена семьи. Много горя, а иногда просто тупого ужаса. Кто подумает об них?

Опять читал конец Седова. Его гибель. Тяжелая, чисто русская картина судьбы человека, безвыходность и безысходность положения. Правда, при Сов<етской> вл<асти> этого не было бы – взять хотя бы дрейф папанинцев. Во что это было все обращено. Сколько шуму и крику на весь свет. Ай да мы! Какую умеем делать рекламу научно-популярному путешествию, и как мы его обставляли – ни одно правительство капит<алистических> стран не заботилось так о людях, как мы это делали. А теперь, что мы видим, где забота о людях, о рабочем человеке? Грош всему цена.

Сегодня обстрела не было.

12/III. Ясный морозный день. Совсем зима, но солнце уже теплое и ласковое.

Целый день наши самолеты патрулировали над городом.

Я с 10 ч. утра до 5 ч. вечера простоял за мясом. Кусок в 600 гр. получился хороший, и на ужин мы ели мясной суп.

Сегодня помогал носить мебель и заработал около кг муки. Катя на ужин сварила кашу, но жидковатую. Все-таки это было очень вкусно и сытно. Мой обед и ужин оставили на завтрак завтра.

Получили три письма. Открытку от Вали, письмо от Риты и Эммы. Валино письмо от V/I 1942 г., Ритино от 17/I и от Эммы.

Рита пишет цены на продукты, напр<имер>, мука 300 р. пуд, масло 150–200 за кг, мясо 20–30, свин<ина> 60–80, картоф<ель> 100 р. пуд и т. д. Если бы мы с Катей вдвоем работали, то жили бы там неплохо. Хлеба она получает 400 гр. Эмма зовет к ним с весной. Володя мобилизован, но находится в тыловых частях. Они живут не очень шикарно, но, видимо, сытно. Скоро пойдет вовсю рыба, и они заживут еще лучше. Обязательно надо съездить к ним – это моя заветная мечта.

Сегодня на службу не ходил и завтра не буду. Как жаль, что меня стесняет Чистяков, и я не могу расправиться со всеми этими сволочами. Разоблачить эту компанию, которой давно пора сидеть на скамье подсудимых. Ночь, особенно под утро, спал плохо. Сильное мочевыделение и именно под утро. Вечером сократил колич<ество> чая. Ощущения соли во рту нет. Смертность среди населения увеличилась.

Имел возможность, стоя в очереди, наблюдать рыночные типы и цены. Самовар ник<елированный> прекрасный – 2,5 кг хлеба. Вообще, все на хлеб гл<авным> обр<азом>. Таким образом, видно, что главный недостаток для населения это в хлебе. Масло и то меняют на хлеб, сахар и т. д. Затем очень дороги папиросы и табак. Многие из-за этого бросили курить – это хорошо, а кто сумел сделать запасы папирос и табака, тот теперь с хлебом и т.д. Еще дороже табак и папиросы по ж. д. от Жихарева к Званке.⁴³

Сегодня устал и рано ложился спать – 9 ч. 30 м.

13/III. Мороз –23°. Север<ный> ветер. Ясный солнечный день. Глухая артиллерийская стрельба. Ездил на Выб<оргскую> сторону на новую службу. Выборг<ская> сторона моя родина. Я родился на Александровской ул<ице>, где прожил более полужизни, и опять в тех же краях. Сама Выб<оргская> стор<она> этой части – Кондратьевский просп<ект>, сильно изменилась – настроили новых заводов, домов жилых, кино, магазины и т. д.

Место на Выб<оргском> комбин<ате> мне предлагают или завхоза или зав. план<ово>-экон<омического> отделом. Сам комбинат – очень большое предприятие, которое должно дать много овощей Л<енингра>ду. Сейчас вопрос об огородах, в т<ом> числе и индивидуальных, поставлен правительством очень широко и глубоко. Даже приравнен к оборонной работе. В таких отраслях приятно работать. Я думаю, что дело там развернется.

Заводы стоят. Работают отд<ельные> цеха. На зав<оде> Сталина⁴⁴ стационар на 400 чел<овек>.

Был у Леонтия с Сашей.⁴⁵ Он лежит больной, а она служит в пож<арной> стор<ожевой> охране и выглядит молодцом. Вспоминали минувшие дни и нашу жизнь в прошлом.

Проходя по территории комбината, видел своими глазами брошенный в снег лицом труп, у которого икры и ягодицы вырублены топором – вот вам и людоедство. Рассказов про людоедство масса. Это не только на окраинах, но и в центре. На обратном пути встретил трехтонку с трупами, которых везли на кладбище в Пискаревку.⁴⁶

Никаких выдач не объявлено. Заводы Выб<оргской> стороны сильно пострадали от бомбежки. Были пожары.

14/III. Опять сильный мороз. Ясный солнечный день с ветром. А сегодня Евдокии Плющихи⁴⁷ – курица водички не попьет, такой мороз. Весна будет поздняя и холодная.

Выдач не объявляли.

Надо собирать вещи в дорогу на Выб<оргскую> стор<ону>, где буду жить на казарм<енном> положении.

Итак, с утра мороз -28° , днем немного отдало, а к вечеру опять припустило.

Вот тебе и Авдотья Плющиха, когда курочка должна воды напиться, а сегодня за весь день не капнуло – значит, весна будет холодная и затяжная. Долго еще ждать тепла, нужно готовить дрова.

Сегодня за ужином сидевший со мной за столом милиционер рассказывал, что он дежурил и попал в столовую Дзержинского района – там утром дали большую тарелку каши рисовой и стакан какао, на обед был горох хороший и густой, макароны с солониной, густо политые маслом, рисовая каша с сахаром, какао. На ужин каша манная и кофе или какао. Вот так едят наши управители, когда народ в массе голодает, когда опять увеличилась смертность! На 10 дн<ей> выдали 400 гр. крупы служ<ащим> – чем же здесь жить? Это назыв<ается> «курортно-санитарный паек»?

В стационаре, который открыли для себя в «Ленатомаше» – кормят хотя и вкусно, но очень мало. Только масло и сахар выручают. Опять идут разговоры, что армия Федюнинского и Мерецкого рвутся к Л<енингра>ду⁴⁸ и вот-вот войдут в него, а утром был обстрел города и где-то около нашего района. Мы с Катей сидели и чинили валенки.

Давно мы ждем прихода Крас<ной> Армии, а их все нет и нет. Все это агитация для поднятия настроения и у <нрзб.> населения. Опять усилилась эвакуация. Бежит народ из Л<енингра>да? В чем дело? Чего они так боятся? Или кого? Все это наводит на разные размышления.

15/III. Опять мороз, но немного меньше -22° , на солнце днем -10° , резкий ветер N. Чудный солнечный день. На Литейном и на Невском кипит работа по очистке трам<вайной> линии и мостовых. Работает не только гражданское население, но и военные, особенно много согнали моряков. Все здоровый, хорошо упитанный народ. Работают весело и сильно. По Невскому уже прошли грузовые вагоны, но до пассажирского движения, думаю, что далеко. На площади сваливают сколотый снег и сваливают нечистоты. Запах ужасный. Увлекается и нас<еление> очисткой снега и перевозят его с места на место, часто выполняя бесполезную работу два раза.

Начались принудительные эвакуации некоторых нежелательных элементов в городе. Направление дают на Хабаровск, на сборы 2–3 дня – это жестоко. Люди должны все бросить и нищими уехать.

Объявлена выдача крупы раб<очим> – 300, служ<ащим> – 200 и т. д. Сахар – 300 только раб<очим> и т. д., а остальное население подождет. Не густо в марте!

Собираемся завтра переехать на комбинат. Укладываемся. Завтра придет лошадь. Вообще, переход на новую работу вышел совершенно неожиданно и скоропалительно. Директор торопит, так как нет людей, а дело стоит. Думаю, что на новом месте жизнь будет неплохая и имеются виды на будущее. Можно будет пить полостровскую воду, а она железиста – это укрепит несколько организм. Затем не будет таких хождений, как это было у меня на В<асильевском> О<строве>. Расстался с «Ленатоммашем», доставив кой-кому несколько неприятных минут.

Стационар их не хвалят, так как порции очень ничтожны. Выручает масло и сахар. У нас на новой службе имеется 5 мест стационарных, и рядом в школе открывается большой стационар. Так что если я свихнусь, то будет где восстановить силы.

За эти дни настроение мое несколько улучшилось и виды на будущее окрепли. Катя показала мне наши запасы, их на три дня. А дальше что? Столовая?

Принимаю настойку хвои, содержащую витамин «С», говорят, цинга проходит при этом. Катя отказывается принимать это зелье, а оно вовсе не противно.

Перечитывал охот<ничьи> рассказы Мамина-Сибиряка – прекрасно написаны,⁴⁹ тогда как Фокина книжка «Охота и охотники»⁵⁰ написана очень слабо. Старинные охотничьи журналы очень интересны. В одном из них описано, что под Петербургом был перепел. Года четыре тому назад одним из наших тов<арищей> охотников был убит перепел. На Неве около пристани островки. Видимо, одиночные экзепляры туда долетают.

16/III. Ночью сильный обстрел города. Мороз как и вчера. Небо пасмурное. Хлеб хороший пшеничный. Пью хвою – витамины «С». Собираем вещи и готовимся к отъезду на Выб<оргскую> стор<ону>.

Получили много писем. Февральской датой от Риты и Вали. Пишут – жизнь дорога, и трудно достать продукты. Овощи, хлеб, масло – все стоит больших денег и очередей.

На этой записи кончаю эту тетрадь и начинаю новую тетрадь.

¹ Ст. Войбокало и г. Тихвин – населенные пункты Ленинградской обл.

² Приписка, сделанная позднее.

³ См. примеч. 7 к с. 192.

⁴ Стрельна – пригород Ленинграда, Большая Ижора и Ям-Ижора – населенные пункты Ленинградской обл.

⁵ Неустановленные лица.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950), см. примеч. 92 на с. 270.

⁸ Имеется в виду не Андреев, а Андрееенко И. А., зав. отделом торговли Ленгорсовета блокадного Ленинграда.

⁹ 12 февр. были взяты Любино Поле и Мостки, а 19-го – деревня Красная Горка, что в 15 км от Любани. Кингисепп – город в Ленинградской обл.

¹⁰ *Федюинский Иван Иванович* (1900–1977), см. примеч. 104 на с. 76.

¹¹ Красное село и Гатчина – пригороды Ленинграда.

¹² Имеется в виду г. Пушкин – пригород Ленинграда, где, судя по упоминаниям, жил до войны автор дневника.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Машинно-тракторная станция – сельскохозяйственное предприятие.

¹⁵ 16 февр. 1942 г. вышло Постановление СНК «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток». Некоторые исключения были сделаны для жителей Москвы и Ленинграда.

¹⁶ Неустановленные лица.

¹⁷ Лигово – исторический район на юго-западе Ленинграда.

¹⁸ См. примеч. 20 на с. 193.

¹⁹ Имеются в виду ружья бельгийской фирмы Лебо (*Lebeau-courally*), которые были популярны в России с дореволюционных времен.

²⁰ Неустановленное лицо.

²¹ Речь идет о приезде знаменитых исследователей Арктики – папанинцев (*И. Д. Папанин, П. П. Ширшова, Э. Т. Кренделя, Е. Ф. Федорова*) 15 марта 1938 г. в Ленинград.

²² Упоминаются боевые действия во время Второй мировой войны в Северной Африке (ноябрь 1941–август 1942). В начале 1942 г. итало-германские войска Роммеля начали наступление на британские войска в Ливии. Эта операция, целью которой был захват Суэцкого канала, цели не достигла.

²³ Речь, видимо, идет о тех местах, где автор до войны бывал на охоте.

²⁴ Трамвайное движение было восстановлено 15 апр. 1942 г.

²⁵ Имеется в виду ул. Маяковского.

²⁶ Неустановленные лица.

²⁷ Речь идет о ресторане *В. М. Федорова*, находившемся на ул. Екатерининская, 8 (впоследствии присоединена к ул. Шпалерной), который позиционировал себя как закусочный ресторан.

²⁸ Ленинград II – название станции Октябрьской железной дороги (до 1914 г. – Санкт-Петербург–II, до 1924 г. – Петроград II). В 1926 г. объединена с Ново-Навалочной в новую станцию Ленинград-Навалочная, которая в 1960 г. объединена со станцией Ленинград-Товарный–Московский.

²⁹ Ст. Детское село (г. Пушкин), Павловск, Пулковое – пригороды Ленинграда.

³⁰ Речь «Сингапур пал» У. Черчилль произнес 15 февр. 1942 г.

³¹ *Седов Георгий Яковлевич* – полярный исследователь.

³² Nord – северный ветер.

³³ Город в Вологодской обл., расположен на берегу Белого озера.

³⁴ Неустановленные лица.

³⁵ См. примеч. 6 на с. 337.

³⁶ Населенные пункты Ленинградской обл.

³⁷ Скульптуры коней Клодта во время войны были сняты и закопаны в сквере у Аничкова дворца. На постамент были возвращены накануне 1 мая 1945 г.

³⁸ В те годы – Научно-исследовательский институт физики при Ленинградском государственном университете. Ныне – Научно-исследовательский институт физики им. В. А. Фока СПбГУ.

³⁹ Возможно, ошибка автора дневника. *Воячек Владимир Игнатьевич* (1876–1971) – академик АМН СССР (1944) – создатель отечественной школы отоларингологов.

⁴⁰ Ныне Дворцовая площадь.

⁴¹ Неустановленное лицо.

⁴² Один из старейших торговых домов, находится по адресу Невский пр., д. 48.

⁴³ Населенные пункты Ленинградской обл.

⁴⁴ Имеется в виду турбостроительный завод им. Сталина.

⁴⁵ Неустановленные лица.

⁴⁶ Ныне – Пискаревское мемориальное кладбище.

⁴⁷ *Евдокия Плющиха* – название дня святой преподобной мученицы Евдокии. Считалось, что в этот день можно определять будущее: «Если курочка на Евдокино напнется, то овечка на Егория наестся».

⁴⁸ И. И. Федюнинский в это время командовал 42-й армией Ленинградского фронта, К. А. Мерецков командовал войсками Волховского фронта.

⁴⁹ Речь идет о рассказах Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приемыш [Из рассказов старого охотника]», «Емеля-охотник», «Зимовье», «Сороковик», «Горное гнездо», «Гроза» и др.

⁵⁰ Упоминается издание: *Фокин Н. Н.* Охота и охотники. СПб., 1908.